

англосаксонского образца.⁴ Подобного рода миф критикует К. Леви-Стросс: «...трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказать быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы – или оригинальный синтез, который ведёт, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим.

Что касается технологического мифа, то он использовался в России в 90-е годы и активно применяется сегодня. Цель данного мифа – внедрить в сознание людей идею о том, что именно западная цивилизация создала культуру, философию, право, науку и технологию, доминирующие и предопределяющие жизнь человечества. По мнению С. Кара-Мурзы, для современной России характерны также частные производные технологического мифа, а именно: мифы о земледельческом Западе и скотоводческом кочевом Востоке. Проект расчленения России основан, прежде всего, на противопоставлении славян степнякам, соответственно, Запада – Востоку.⁵ Последний миф постепенно внедряется в сознание россиян прессой.

Начиная с середины 90-х годов XX века, в сознании русских людей стали укореняться ещё несколько мифов. Например: миф о нейтралитете, миф о плюрализме средств массовой информации и др.

Главная идея мифа о нейтралитете сводится к тому, чтобы «...люди верили в нейтральность их

основных социальных институтов. Они должны верить, что правительство, средства массовой информации, система образования и наука находятся за рамками конфликтующих социальных интересов».⁶ Смысл мифа о плюрализме российских средств массовой информации заключается в том, что характерной чертой жизни в России является разнообразие информационных источников, которые обеспечивают разносторонние взгляды на какое-либо событие внутри страны и за её пределами. Если есть разнообразие, значит, гарантируется и личный выбор россиянину в информационном плане.

Что касается функций новейших российских политических мифов, то они выполняют следующие функции: внедрение индивиду веры в ценности, предлагаемые партиями власти, завуалирование государственного насилия и его оправдание, достижение пассивности масс, их несопротивляемости настоящему политическому режиму, формирование положительного отношения населения к внешней и внутренней политике своей страны и т. п.

1. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980. с.42.

2. Кассирер М. Техника современных политических мифов. // Феномен человека: антология. – М.: Высшая школа, 1993, с. 108 – 122.

3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2004. с. 207.

4. Там же, с. 217.

5. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2004. с. 222.

6. Там же, с. 28.

ПОВСЕМЕСТНОСТЬ МИФИЧЕСКОГО

Е.Н. Коваленко

Коваленко Елена Николаевна
магистрант факультета
политологии и
социологии УрГУ

Согласно Р. Барту, современность характеризуется именно тем, что «миф как таковой исчезает, зато остается еще более коварное мифическое».¹ Говоря

о мифе сегодня, мы как раз подразумеваем не его форму, а его характер, содержание. Рассматривая миф, мы говорим, по существу, не о нем самом, а о мифическом, что не препятствует использованию категории «миф» именно в этом контексте.

Идея о повсеместности мифа совершенно не нова. Мифологические структуры таятся в сознании человека, определяя способ его мышления. В этом смысле современный индивид практически не отличается от своих первобытных предков. Неосознаваемая зависимость человечества от мифов только усиливается со временем, поскольку «неприрученная мысль» уже не существует в одиночестве, а дополняется констатируемой рациональностью, которой и только которой должен руководствоваться человек эпохи Модерна.

Говоря о мифе и о его повсеместности, нельзя ни затронуть проблему свободы. Мы несвободны

от мифического, поскольку не всегда можем осознать его присутствие в нас и оценить действие, которое оно оказывает на наше восприятие мира. И парадокс данной ситуации состоит даже не в том, что мы не можем осознать, а в том, что мы этого не хотим, мы противимся этому. Признать, что миф определяет многое в современном рациональном человеке – значит признать, что он стал более несвободным, нежели был раньше. С другой стороны, аспект свободы реализуется в том смысле, в каком миф позволяет восстановить отношение «человек – природа» и «освободить» разум от парадигмы рационального мышления, выделить «чистый разум». «Мифология не несет очевидной практической функции... Она не имеет непосредственного отношения к отличной от нее и более объективной реальности, порядок которой она воспроизводила бы в разуме. Тут разум кажется совершенно свободным и следующим собственной творческой спонтанности. Поэтому, если удастся доказать, что за кажущейся произвольностью, свободой и ничем не связанной изобретательностью лежат законы, действующие на более глубоком уровне, то заключение станет неизбежным: разум, оставшись наедине с самим собой и освободившись от обязанности компоновать объекты, сводится к тому, чтобы в каком-то смысле имитировать себя как объект; его законы и операции не отличаются принципиально от тех, которыми он руководствуется при осуществлении других функций, и он таким образом удостоверяет свою природу вещи среди вещей».²

Свобода для личности всегда связана с ответственностью, поэтому зачастую представляется как бремя. Отрекаясь от свободы, человек выбирает сферу мифического, где ответственность рассеяна и лежит на коллективном уровне, а не на индивидуальном. Рассуждая в духе Э. Кассирера, можно прийти к выводу об обратной пропорциональности присутствия свободы и мифа в системе. Чем больше мифического, тем меньше степень свободы как самостоятельности. И наоборот. Однако это утверждение в большей мере относится к политическим мифам. В сфере политического открываются грандиозные возможности для манипуляции людьми. Свобода постоянно находится под угрозой. Ибо «политика – еще далеко не позитивная наука, а тем более не точная... В политике мы еще не имеем надежной базы, здесь нет упорядоченного знания, здесь все время существует угроза того, что нас захлестнет старый хаос... Вера в то, что человек, ловко орудуя магическими формулами и заклинаниями, может управлять природой, господствовала сотни и тысячи лет человеческой истории, несмотря на все бесчисленные неудачи и разочарования. Поэтому не удивительно, что наши политические действия и теории наполнены магическим содержанием. И когда небольшие группы людей пытаются осуществить

свои желания и фантастические идеи относительно целых наций, всей политической вселенной, они могут иметь временный успех, могут даже достичь триумфа. Но достижения эти эфемерны, потому что в социальном мире, так же как и в физическом, есть своя логика, свои законы, которые не могут нарушаться безнаказанно».³

Миф воплощается через язык и существует в форме языка. Именно поэтому мифическое всегда будет характеризоваться повсеместностью, поскольку она присуща языку. Язык как система знаков постоянно воспроизводится, а значит мифическое никуда не исчезает. Язык предстает перед нами не просто как носитель мифов, но и как инструмент их конструирования. Речь, в первую очередь, идет о применении «магического слова», которое «вытесняет семантическое». «Чтобы оно имело максимальный эффект, новое слово нужно подкрепить новыми ритуалами».⁴ Исчезая, одни ритуалы и «магические слова» заменяются другими. Это, однако, не означает уменьшения общего объема мифического, поскольку существует язык.

Спасением от повсеместности мифа может быть философия. «Мифы в некотором роде непобедимы: их не опровергнешь разумными аргументами и не побьешь силлогизмами».⁵ Однако это и не входит в задачи философии, которая пытается проанализировать мифы, взглянуть на них отвлеченно, а потому с той долей скептицизма, характерной только для нее. Э. Кассирер, предложивший данную идею, считал необходимым нейтрализовать политический миф, поскольку он способен ввести человека в заблуждение и повлечь за собой политические катастрофы. «Когда впервые сталкиваешься с политическим мифом, он кажется столь абсурдным и неуместным, столь фантастическим и отвратительным, что трудно заставить себя принимать его всерьез».⁶ Поэтому к борьбе с политическим мифом, имеющим манипуляторскую природу, Кассирер предложил привлечь потенциал философии. «Философия может сослужить другую службу: она помогает понять врага, дабы затем разбить его. Понять не только его дефекты и слабые места, но и в чем его сила, которую мы все склонны преуменьшать».⁷

Критика мифа и стремление вытеснить его из личностной, социальной и политической сферы приводят к тому, что складывается «своя мифологическая эндокса – разоблачение, демистификация (или демифизация) сами превратились в дискурс, корпус фраз, катехистическое высказывание, и, сталкиваясь с ним, наука об означающем вынуждена сместиться и расположиться (временно) в более удаленной точке, занимаясь уже не аналитическим разбором, а расшатыванием мифа».⁸

Р. Барт предлагал в качестве противоядия мифическому литературный текст, язык которого, в отличие от языка мифа, не является плотным, а

потому свободен от ритуалов, стереотипов и других взаимосвязанных элементов, закрепощающих сознание человека.

Литературный текст и философия как два пути ухода от мифа могут быть взаимодополняемы, а, возможно, с другого ракурса они представляют собой одно и то же. Литературный текст как воплощение философии является той самой нишей, которая свободна от мифического. Однако трудность в их соединении состоит как раз в том, что философия в форме “письма” теряет характер научного осмысления проблемы, приобретая черты рутинного рассуждения. Литературный текст нацелен скорее на рассуждение, нежели на размышление. Но, так или иначе, трудно не согласиться с двумя подходами в поисках способов преодоления повсеместности мифического.

1. Ролан Барт. Мифология сегодня.// Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. - Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 474
2. Клод Леви-Строс. Мифологии. В 4-х тт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 19
3. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 122
4. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 113
5. Там же. С. 122
6. Там же.
7. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 122
8. Ролан Барт. Мифология сегодня.// Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. - Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 475

ВОПРОС И ВРЕМЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ МИФА

С.В. Емельянова

Емельянова Светлана
Ивановна
аспирантка УрГУ

Сегодня мне хотелось бы предоставить вниманию читателей «Дискурса- Пи» работу французского философа Марка Соте «Кофе для Сократа».

Кафе «Фар» на площади Бастилии в Париже каждое воскресенье становится уникальным местом. Марк Соте, доктор философии, действительный член Института политических наук, долгое время преподававший в университете, руководит там обсуждением, открытым для всех, давая шанс новой философской практике.

Книга Марка Соте «Кофе для Сократа» начинается с вопроса о том, как философия может нам помочь понять современный мир?

«Что такое философия?» – это вопрос времени, которое имеет измерение «мы». Ответ на этот вопрос

разворачивается в сюжете книги, разделенной тремя. Сегодня мне хотелось бы предоставить вниманию читателей «Дискурса- Пи» работу французского философа Марка Соте «Кофе для Сократа».

Кафе «Фар» на площади Бастилии в Париже каждое воскресенье становится уникальным местом. Марк Соте, доктор философии, действительный член Института политических наук, долгое время преподававший в университете, руководит там обсуждением, открытым для всех, давая шанс новой философской практике.

Книга Марка Соте «Кофе для Сократа» начинается с вопроса о том, как философия может нам помочь понять современный мир?

«Что такое философия?» – это вопрос времени, которое имеет измерение «мы». Ответ на этот вопрос разворачивается в сюжете книги, разделенной тремя главами, тремя вопросами, которые задает автор, стремясь понять не только место общества в истории, но и место философии во всем этом. Но, чтобы ответить, «Где мы находимся?», надо сначала узнать, «Откуда мы пришли?», чтобы затем понять, «Куда мы идем?». Три вопроса разворачиваются в историю, которая, идя от мифа к логосу, становится его возвращением: не на круги своя, а возвращением истории времени, которое есть Мы.

История демифологизации как история логоса, по